

Борьба протопопа Иоанна Неронова съ патриархомъ Никономъ.

Иоаннъ Нероновъ, какъ глава всѣхъ недовольныхъ патриархомъ Никономъ. Громадная популярность Неронова. Его увѣренность, что онъ находится подъ особымъ божественнымъ водительствою и что самъ Богъ призвалъ его къ общественной дѣятельности и къ борьбѣ съ недостойнымъ патриархомъ Никономъ. Нероновъ всегда признавалъ греческихъ патриарховъ православными и ихъ высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ боролся лично только съ Никономъ, а не съ церковію и ея іерархіею. Примиреніе Неронова съ Никономъ было примиреніемъ съ церковію, а не съ личностію Никона, хотя онъ и привялъ потомъ всѣ произведенныя Никономъ церковныя реформы.

Никонъ спѣшно и энергично, безъ всякой серьезной помѣхи съ чьей либо стороны, проводилъ свои церковныя реформы. А между тѣмъ противъ этихъ реформъ въ обществѣ существовало очень сильное, хотя и скрытое, неудовольствіе, которое само по себѣ можетъ быть и не имѣло бы особенно важнаго значенія, если бы этимъ обстоятельствомъ, какъ нельзя лучше, не воспользовались члены кружка ревнителей благочестія, которые открыто стали на сторону всѣхъ недовольныхъ Никономъ. Главнымъ дѣятельнымъ борцомъ противъ Никона теперь сдѣлался Иоаннъ Нероновъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ, вліятельныхъ и популярныхъ людей въ Москвѣ. Мы уже знаемъ, что Нероновъ былъ ближайшимъ другомъ вліятельнаго царскаго духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который самъ во многомъ подчинялся пылкому, энергичному и учительному настоятелю московскаго Казанскаго собора. Благодаря отчасти Стефану, а также и предшествующей своей дѣятельности, Нероновъ лично хорошо былъ знакомъ царю, царицѣ и всей царской семьѣ,

среди которой онъ пользовался и расположеніемъ и уваженіемъ; бояре, и вообще люди знатные, тоже хорошо знали Неронова, какъ пастыря во всѣхъ отношеніяхъ выдающагося, и со многими изъ нихъ у него существовали личныя, непосредственныя, близкія отношенія; онъ пользовался и среди всѣхъ вообще москвичей большою популярностію, благодаря заведеннымъ имъ въ Казанскомъ соборѣ новымъ богослужбнымъ порядкамъ: единогласному пѣнію и чтенію, правильному неопустительному чтенію отеческихъ поученій, соблюденію во всемъ богослуженіи строгой чинности и истовости, требованію отъ всѣхъ молящихся стоять въ церкви смиренно и чинно; наконецъ Неронова знали всѣ бѣдные, больные, увѣчные, сирые и несчастные, такъ какъ Нероновъ помощь всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ считалъ одною изъ первыхъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Естественно было поэтому, что къ заявленіямъ такого всѣмъ извѣстнаго и уважаемаго человѣка не могли остаться равнодушными ни царь, ни патріархъ, ни все общество—всѣ невольно прислушивались, что говорить про новаго патріарха, и говорить такъ смѣло и рѣшительно, всѣмъ извѣстный и всѣми высокопочитаемый протопопъ Казанскаго собора. Но Нероновъ былъ не одинъ, вокругъ него, воплѣвъ раздѣляя его воззрѣнія на Никона, и безусловно сочувствуя его смѣлому и энергичному протесту, стояли другіе ревнители: протопопы—Аввакумъ, Лазарь, Даніилъ, Логгинъ, а также епископъ Павелъ коломенскій, и другія духовныя и свѣтскія лица, которыя находились въ сношеніяхъ и даже перепискѣ съ Нероновымъ. Всѣ они видѣли въ Нероновѣ выразителя своихъ воззрѣній, своего главу и руководителя, смотрѣли на него, за его смѣлыя обличенія грознаго патріарха, съ величайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ, граничащимъ съ благоговѣніемъ. Вотъ какъ выражается, напримѣръ, протопопъ Аввакумъ въ своемъ письмѣ къ Неронову, отъ 14 сентября 1653 года, когда Нероновъ находился въ ссылкѣ въ Спасокаменномъ монастырѣ: „ты (Нероновъ) подобенъ, пишетъ Аввакумъ, еси Павлу (апостолу), благодать устны твоими дѣйствуетъ, яко же Павловыми. Азъ грѣшникъ, помня слезы твоя, и радости исполняюся, днемъ и ношю воспоминаніе пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрней вѣрѣ. Благодарю укрѣпляющаго мя Христа и Спаса Господа нашего, яко вѣрна мя помысливъ

и положивъ мя въ службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя, но помилованъ быхъ за молитвъ твоихъ⁴. Свое особое высокое уваженіе къ Неронову, обыкновенно отличавшійся крайнею нетерпимостію Аввакумъ, выражалъ даже и тогда, когда Нероновъ уже принялъ троеперстіе и соединился съ церковію. Въ письмѣ изъ Мезени къ игумену Θεоктисту Аввакумъ пишетъ: „про все пиши: про старцово (т. е. Неронова) житье мнѣ не пиши, не досаждай мнѣ имъ: *не могутъ мои уши слышати о немъ хульныхъ глаголъ ни отъ ангела.* Ужъ то грѣхъ ради моихъ въ сложеніи перстовъ малодушествуетъ“¹⁾. Игумень Θεоктистъ, въ письмѣ къ Стефану Воиফатьевичу, отъ 13 іюля 1654 года, выражаетъ желаніе, чтобы на мѣсто Никона Стефанъ сдѣлался патріархомъ и, вліяя на государя, умиротворилъ церковъ „внимая прилѣжно отца Іоанна глаголомъ“²⁾ т. е. если бы Стефанъ сдѣлался патріархомъ, то его руководителемъ въ управленіи церковію долженъ бы стать, по убѣжденію ревнителей, Нероновъ, какъ признанный всѣми глава и авторитетъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. О самомъ Нероновѣ тотъ же игумень Θεоктистъ, въ томъ же письмѣ къ Стефану, говоритъ, что Нероновъ показываетъ „и во устахъ рвеніе по благочестіи и къ Богу приснующую любовь. Зрѣти бо его, яко ангела ликующа въ небесныхъ: сице во истину и того въ скорбѣхъ, и свѣтло зѣло умомъ зряща Владыку всѣхъ Бога, и никако о земныхъ радяща, и скорби презирающа и любезнѣ бѣда терпяща“. Никонъ гонить и преслѣдуетъ Неронова, но у него всюду находятся друзья, сторонники, послѣдователи, его, сосланнаго подъ начало и въ заточеніе, вездѣ встрѣчаютъ съ особою честію и уваженіемъ, какъ мужественнаго и невиннаго страдальца за правду. Когда Нероновъ былъ сосланъ Никономъ подъ начало въ Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, то „архимандрить тоя обители Александръ пріять его радуясь и глаголя, яко страдальца видѣти сподоби мя Богъ древняго,—даруя тому честь, и выше келаря поставляя его въ церкви, новый войлокъ овчій подложивъ тому подъ ноги; и въ келіи жити повелѣвая со отцемъ его духовнымъ священникомъ Григоріемъ, и слугу ему далъ для чести; и изъ

1) Матер. для ист. разск. т. I. стр. 25—26. V, стр. 160—161.

2) Матер. для ист. разск. т. I, стр. 112.

поварни прибавочныя ѣствы приносить къ нему повелѣвая въ келью первому слугѣ, Смирнову-Аванасьеву, а имя ему Тить. А прочимъ слугамъ квасу добраго ко отцу Іоанну носить повелѣвая въ оловяникахъ,—братины мѣдныя съ покрывалами!“ Точно также почетно встрѣченъ былъ Нероновъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, куда онъ прибылъ при своемъ бѣгствѣ изъ Кандалагжскаго монастыря. Отпуская бѣглеца въ Москву, соловецкій архимандритъ Ілія напутствовалъ его такими словами: „страдалче, бѣемъ одолѣвай! храбрый воине, подвизайся!“¹⁾ Даже простой народъ всюду оказывалъ Неронову свое особое расположеніе и горячую приверженность къ нему, видѣлъ въ немъ борца за правду, народнаго милостивца и невиннаго страдальца. Біографъ (современникъ) Неронова замѣчаетъ: „простиі людіе зѣло любляху Іоанна, яко проповѣдника истиннѣ, и предъ цари не стыдящася, по пророку, и много истиннѣ страждуща,—страдальца и мученика того нарицаху“. Когда Никонъ послалъ арестовать скры вавшагося Неронова, и посланные напали было на его слѣдъ. „то христіане тоя волости скрыша Григорія (монашеское имя Неронова), а посланныхъ отъ патріарха оскорбиша. Григорію же молящу тѣхъ, да не паче мѣры съ посланными крамолятъ; тиі же рекоша: до смерти за тя, страдалче Христовъ, готовы пострадати. Іоанна убо сохраниша, сами же многу бѣду подъяша. Паки патріархъ повелѣ многихъ прислать въ ту волость, и іереевъ и мірскихъ оковавъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ во темницу посадити повелѣ, и мнози отъ нихъ въ темницѣ и умроша отъ великія нужды, а иніи мнози скорби и напасти подъяху, любви ради, ея же имѣяху ко Іоанну. Христолюбцы же, аще и многи бѣды, ихъ же зряху, братія ихъ страждуть, но яко зеницу ока, или яко отца, Іоанна храняху, и въ домахъ своихъ, яко Божія Ангела, держажу и любезно въ сладость послушаху“²⁾. Понятно почему народъ такъ сильно былъ привязанъ къ Неронову, что многіе, ради защиты его отъ преслѣдованій Никона, шли въ тюрьму и тамъ умирали. Въ запискѣ о жизни Неронова разсказывается между прочимъ и слѣдующее: „нѣкоего лѣта бысть гладъ въ предѣлѣхъ града Вологды, и мнози, хлѣб-

¹⁾ Ibid. стр. 112—113, 140—141.

²⁾ Матер. т. I, стр. 143—144.

ныя ради скудости, ядяху траву, и коренія, и вахту, и млеко въ дни постныя, и приходяше къ отцу Григорію (который тогда жилъ въ Игнатъевой пустыни около Вологды) прошаху милости, да утолитъ ихъ отъ глада того. Григорій же, яже имѣяше, даяше требующимъ, и много множество собирая по градамъ хлѣба, кормяше приходящія къ нему; даяше же и сѣмена отъ обители своея земледѣльцемъ на сѣяніе нивъ ихъ. И тако во время глада прокорми народъ безчисленный“. Но и этимъ Нероновъ не ограничивался. „Хождаше милостыни ради, говоритъ записка о его житіи, въ царствующій градъ Москву, а наипаче заступленія ради бѣдныхъ, понеже многихъ ради бѣдъ и напастей многіи, приходящи къ нему отъ различныхъ градовъ, моляху того о заступленіи, яко знаемый бѣ царемъ и боляры свидѣтельствовавнаго ради въ добродѣтеляхъ житія его и страданія, и, многое множество заступаая, избавляше отъ узъ, и темницы, и отъ смертныя градскія казни. И возвращашеся отъ царствующаго града въ свою пустыню съ довольною милостынею, отъ царя и отъ прочихъ боголюбцовъ подаваемою, и вся собранная влагаше въ утробы нищихъ, пекійся яко отецъ всѣмъ душевнѣ и тѣлеснѣ“. Къ нему въ пустыню, изъ Вологды и окрестныхъ сель, приходило множество народу всякаго чина, возраста и пола, и всѣхъ ихъ онъ радушно и любезно принималъ, „и не токмо въ церквѣ, но и внѣ церкви, и келии всѣхъ поучаше и наслаждаше божественнымъ писаніемъ—духовною пищею“. По окончаніи службы и церковныхъ поученій повелѣваше посадити всѣхъ граждановъ и поселянъ въ трапезѣ, а невмѣщающихся, множества ради, внѣ трапезы, и всѣмъ пищу одинаку и равну предлагати. Самъ же, обходя сѣдящія, призираше всѣхъ. Во время же трапезованія повелѣваше читати божественныя книги, а самъ толковаше всѣмъ чтомое. По совершеніи же трапезы отпушаше въ дома ихъ, насыщенныхъ пищею сугубою, тѣлесною и душевною“. Понятно, что такое отношеніе къ приходящимъ въ обитель производило на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе и притомъ крайне благопріятное для Неронова. „Людіе же, говоритъ записка о его жизни, пришедши въ городъ и веси своя, повѣдаху другъ другу, удивляющеса дивному его ученію, и добродѣтельному житію, и милостынѣ, и страннолюбію, яко

въ прежнихъ лѣтъхъ николи же явися таковъ человекъ въ странѣ той“¹⁾.

Дѣйствительно Нероновъ, по всей своей дѣятельности, не только былъ для того времени выдающимся пастыремъ церкви, истовымъ, строгимъ исполнителемъ церковныхъ уставовъ, всегда учительнымъ и назидательнымъ, смѣлымъ неустрашимымъ обличителемъ всякаго нечестія, неправды, порока—и предъ архіереями и патріархомъ и самимъ царемъ; въ то же время онъ былъ замѣчательнымъ, выдающимся общественно-народнымъ дѣятелемъ: онъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ народолюбомъ, который во время неурожая заботился о прокормленіи голодающихъ крестьянъ, для чего онъ ѣздилъ за сборами по разнымъ городамъ, чѣмъ спасъ множество семей отъ голодной смерти; кромѣ того онъ раздавалъ потерпѣвшимъ неурожай крестьянамъ сѣмена для посѣва на будущій годъ, чтобы предупредить голодъ и въ будущемъ; онъ энергично и настойчиво заступался предъ властями за всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, попавшихъ въ бѣду, и даже нарочно ѣздилъ въ Москву хлопотать за нихъ и, благодаря его ходатайствамъ и заступленію, многіе спаслись отъ узъ, темницы, а иные и отъ казни; на духовное просвѣщеніе народа онъ обращалъ всегда самое серьезное вниманіе и затрачивалъ на него массу труда, времени и энергіи: всѣ его постоянныя и неопустительныя церковныя и внѣ-церковныя поученія направлены были на просвѣщеніе народа, на сообщеніе ему болѣе правильныхъ религіозно-нравственныхъ понятій—въ своемъ монастырѣ онъ устроилъ нѣчто въ родѣ школы²⁾. Естественно, что народъ благоговѣлъ предъ такимъ необыкновеннымъ всестороннимъ и всею душою преданнымъ ему дѣятелемъ, глубоко чтилъ его и, при случаѣ, готовъ былъ за него идти въ тюрьму и даже на смерть. Гоненія и преслѣдованія Никона только воз-

¹⁾ Ibid. cap. 287—289.

²⁾ Записка о житіи Неронова говоритъ: „мнози отъ гражданъ приводятъ къ нему чада своя и вдаваху въ наученіе книжное: Иоаннъ же, яко истинный и чадолюбивый отецъ, всѣхъ любезнѣ приѣмля, безъ мзды учаша съ прилежаніемъ многимъ; а старцы, въ сладость приѣмлюще ученіе егѣ, вскорѣ книжнаго разумѣнія навыкаху, молитвами и прилежаніемъ учителя своего“. (Ibid. стр. 260). Очевидно Нероновъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ распространенія въ народѣ грамотности путемъ дароваго обученія.

вышли въ глазахъ народа престижъ Неронова, создавали ему репутацію невиннаго страдальца за правду, окружали его ореоломъ мученичества и даже прямо дѣлали его, въ глазахъ его почитателей, святымъ мужемъ, на которомъ почитъ особая благодать Божія. Впрочемъ и самъ Нероновъ искренно вѣрилъ, что онъ имѣетъ къ общественной дѣятельности особое чрезвычайное призваніе отъ Бога, и что онъ дѣйствительно находится всегда подъ особеннымъ водительствомъ Божиимъ.

Въ одной челобитной царю Нероновъ указываетъ ему на возможное появленіе антихриста, который только „малыми (немногими), ихъ же утвердитъ Духа Святаго благодать, познаваемъ будетъ“. Вотъ къ числу этихъ-то немногихъ, утвержденныхъ благодатію Св. Духа, и причисляли себя Нероновъ, Аввакумъ и другіе члены кружка ревнителей. Въ силу особой дарованной имъ благодати Св. Духа, они лучше другихъ видѣли, понимали и оцѣнивали окружающія ихъ явленія и всѣ текущія событія жизни, особенно церковныя, и потому лучше другихъ, лучше самихъ церковныхъ властей, въ большинствѣ погруженныхъ въ мірскія дѣла, заботы и интересы, могли руководить и направлять по истинному настоящему пути все теченіе церковной жизни, предохранить и оберечь ее отъ уклоненій на пути ложныя и гибельныя для православія. Но кромѣ этой общей, такъ сказать, благодатной и сверхъестественной почвы, на которой коренилась, выростала и развивалась ихъ общественная дѣятельность, они еще, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, получали обыкновенно на каждый разъ особыя спеціальныя свыше указанія, видѣнія, знаменія, благодаря чему ихъ дѣйствія и были, въ ихъ глазахъ, безошибочны, непогрѣшмы, вполне согласны съ волею Божіею, хотя бы онѣ и шли въ разрѣзъ съ волею человѣческою, выражаемою властями, свѣтскими и духовными. Вотъ почему они и не боялись рѣшительно и открыто противорѣчить всѣмъ властямъ, рѣзко обличать ихъ и даже вступать съ ними въ прямую борьбу,—такъ поступать было ихъ долгомъ и обязанностію, какъ людей находящихся подъ высшимъ божественнымъ водительствомъ. Та божественная сила, которая ихъ, какъ своихъ избранниковъ, просвѣщала, направляла и давала имъ возможность уразумѣвать истинный смыслъ текущихъ событій,

скрытый отъ другихъ,—эта же божественная сила вмѣстѣ съ тѣмъ оберегала и охраняла ихъ въ трудныя и скорбныя минуты ихъ жизни, воодушевляла и подкрѣпляла ихъ на продолженіе борьбы, почему они твердо были увѣрены, что во всѣхъ случаяхъ Богъ не оставитъ ихъ своею помощію, спасетъ ихъ отъ бѣды, гоненій, преслѣдованій, что пропо-вѣдуемая ими истина и правда всегда въ концѣ восторжествуютъ надъ ложью и неправдою ихъ противниковъ. И они дѣйствительно сами на себѣ испытали и постоянно имѣли предъ глазами, казалось имъ, реальные, неопровержимые факты, что рука Божія непосредственно руководитъ ими и охраняетъ ихъ во всѣхъ путяхъ ихъ. Сомнѣній, казалось, тутъ не могло быть. Неронова заковываютъ въ цѣпи и сажаютъ въ тюрьму. Но, по его молитвѣ, цѣпи сами спадаютъ съ него, дверь тюрьмы сама отворяется, и онъ спокойно выходитъ на свободу. Въ другой разъ жестокой приставъ, отвозившій Неронова на мѣсто ссылки, старательно заковывалъ его въ цѣпи. Но 'всякій разъ, какъ приставъ ни старался, цѣпи сами собою спадали съ святаго узника. Разъ братія того монастыря, куда сосланъ былъ Неровъ, выведенная изъ терпѣнія его постоянными назойливыми обличеніями, рѣшила такъ или иначе избавиться отъ безпокойнаго, несноснаго обличителя. Инокѣ нарочно, натопивъ жарко келью Неронова, напустили въ нее чадъ и заперли въ ней узника, чтобы онъ умеръ отъ угару. Нероновъ, „воздѣвъ руцѣ къ Богу“, сталъ молить Его о спасеніи „пользы ради инѣхъ“. Молитва его была услышана. „Невидимую рукою въ полунощи“ Нероновъ неожиданно взять былъ изъ угарной кельи „и поставленъ за девять-десять поприщъ на Холмогорахъ въ храмѣнѣ война нѣкоего“. Такъ самъ Господь заботился о своемъ избранникѣ, охраняя его отъ разныхъ бѣдъ и злоумышленій недобрыхъ людей.—Если Неро-новъ вступилъ въ борьбу съ патріархомъ Никономъ, то не потому только, что онъ сразу увидѣлъ въ Никонѣ человѣка совсѣмъ непригоднаго для занятія патріаршей каѳедры, но главнымъ образомъ потому, что получилъ на этотъ счетъ особое указаніе свыше, когда, во время молитвы, услышалъ отъ образа Спаса обращенный къ нему гласъ: „Юанне, дерзай и не бойся до смерти: подобаетъ ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, яко же и

юниту“. Нероновъ, постригшись въ монахи, сдѣлался простымъ старцемъ Григоріемъ и, по тогдашнему русскому обычаю, строго соблюдаемому нѣкоторыми, не могъ священнодѣйствовать, о чемъ онъ сильно сокрушался особенно потому, что въ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, не было тогда священника и служба не совершалась даже въ Пасху. Тогда скорбѣвшему объ этомъ Неронову явился самъ Христосъ съ ангелами и разрѣшилъ ему священнодѣйствовать и притомъ по старымъ служебникамъ ¹⁾. И когда Нероновъ, въ силу бывшего ему видѣнія, началъ священнодѣйствовать, но не повѣдалъ о бывшемъ ему видѣніи Христа властямъ, то Христосъ снова явился ему съ ангелами и велѣлъ побить его „двумя дубцами“, послѣ чего Нероновъ успѣшилъ явиться къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Пяти-

¹⁾ Навѣстно постановленіе собора, бывшего въ храмѣ св. Софіи при патріархѣ Фотіѣ: „аще который епископъ, или кто иный архіерейскаго сана, восхоцетъ свити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія: таковой впредь уже да не възскуеть употребленіе архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиненія и ученичества, а не учительства или начальствованія: они обѣщаются не иныхъ пасты, но пасомыми быти. Того ради, какъ выше речено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ словословіи архіереевъ и пастырей не изводитъ самъ себе на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Аще же кто дерзнетъ сотворити сіе, послѣ провозглашенія и приведенія въ извѣстность проназосимаго нынѣ опредѣленія, таковой, самъ себя устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ“. И сейчасъ на православномъ востокѣ нѣтъ ни одного архіерея монаха. Тамъ архіереи набираются изъ неженатыхъ духовныхъ лицъ—не монаховъ, и если архіерей вздумаетъ постричься въ монахи, онъ, согласно приведенному соборному правилу, лишается архіерейства. нашихъ архіереевъ-монаховъ теперь православный востокъ совсѣмъ не знаетъ и сочетаніе монашества и архіерейства въ одномъ лицѣ признаетъ явленіемъ совершенно ненормальнымъ и антиканоническимъ. Въ силу приведеннаго правила въ древней Руси съ бѣлыми священниками, постригавшимися въ монашество, дѣло стояло такъ, что съ принятіемъ монашества они поступали въ разрядъ простыхъ старцевъ и теряли право священнодѣйствовать. Когда протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ принялъ монашество, онъ сталъ простымъ старцемъ Савватіемъ, а протопопъ Нероновъ—старцемъ Григоріемъ, при чемъ, когда въ его пустынь не было священника, она оставалась безъ цевковой службы даже въ Пасху, такъ какъ самъ старецъ Григорій уже не имѣлъ права священнодѣйствовать. Только самъ Христосъ, явившійся Григорію съ ангелами, снова далъ ему право совершать священнодѣйствія.

риму, который вполнѣ увѣровалъ въ рассказъ Неронова о бывшемъ ему видѣніи. Нероновъ обладалъ и особымъ даромъ провидѣть грядущія событія политическаго и общественнаго характера. Такъ онъ энергично совѣтывалъ еще царю Михаилу Θεодоровичу и Филарету Никитичу не начинать войны съ Польшею (вѣроятно 1632—1633 г.), потому что „прозрѣвъ духомъ, яко не имуть одолѣти сопротивныхъ, но токмо кровь христіанская имать проліятися всеу, того ради много моли царя и патриарха о умиреніи тамъ брани, дабы не проліялася кровь христіанская“. За такое предсказаніе Нероновъ угодилъ въ ссылку въ Корельскій монастырь, изъ котораго впрочемъ скоро былъ возвращенъ. Въ 1653 г. Алексѣй Михайловичъ готовился къ войнѣ съ Польшею, и Нероновъ настаиваетъ предъ нимъ не начинать похода, а прежде всего установить церковный миръ, потому что, пророчествуетъ онъ, безъ соблюденія этого условія „крѣпости не будетъ имѣти быти хотящая брань, но за премногое прогнѣваніе владыки нашего Бога велія погибель и тщета будетъ“. За это предсказаніе Нероновъ ничего не потерпѣлъ, конечно потому, что оно оказалось совсѣмъ невѣрнымъ—война съ Польшею на этотъ разъ была очень удачна. Въ 1654 году Нероновъ предсказывалъ Никону: „да время будетъ и самъ съ Москвы поскочишь, ни кимъ же гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ (т. е. Неронова, Аввакума и другихъ) далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать!“ Это предсказаніе Неронова Никону потомъ дѣйствительно во всемъ сбылось. Нероновъ предсказалъ имѣющей появиться на Руси моръ. „Іоаннъ, говорить его біографъ, пророчествова о приближшемся наказаніи Божіи, и писаше къ нѣкимъ боголюбцемъ, яко грядетъ гнѣвъ Божій съ смертоносною язвою. Писа-же и супругъ своей, да приметъ чинъ иноческій, яко грядетъ моръ; и собыстся то его пророчество вскорѣ“.—Мы уже не говоримъ о томъ, что Нероновъ, подобно всѣмъ ревнителямъ, съ помощію усердной молитвы и окропленія святою водою, исцѣлялъ „бѣсныя и кличущія“, которыхъ къ нему приводили во множествѣ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы Нероновъ, рассказывая о бывшихъ съ нимъ разныхъ чудесныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, указывающихъ, что онъ находится подъ особымъ

божественнымъ водительствомъ, сознательно говорилъ неправду, въ видахъ обманывать другихъ и прослыть въ ихъ мнѣннн святымъ человѣкомъ. Напротивъ, онъ былъ искрененъ въ своихъ разсказахъ, и самъ первый вѣрилъ въ ихъ непреложную истинность и дѣйствительность, а въ этой-то увѣренности и заключается вся страшная сила подобныхъ людей, которая всѣмъ ихъ дѣйствіямъ сообщаетъ необыкновенную смѣлость, рѣшительность, несокрушимую энергію, готовность идти на муки и смерть за свои убѣжденія, за то, что они считаютъ истиной и правдой. Борьба съ такими людьми внѣшними средствами, хотя бы самыми суровыми и жестокими, обыкновенно ведетъ къ противоположнымъ результатамъ. Борьба такими средствами не убиваетъ и даже не ослабляетъ этой силы, а только укрѣпляетъ ее, приводитъ въ высшее напряженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ къ ней вниманіе и невольное сочувствіе общества. Никонъ сдѣлалъ крупную ошибку борясь съ этой силой только средствами своей громадной внѣшней силы: разстриженіями, ссылками, заточеніями. Преслѣдуемая имъ сила не только не умалялась отъ этихъ преслѣдваній, но все болѣе росла, крѣпла и расширялась, пока не вызвала наконецъ формальный расколъ въ русской церкви.

Нероновъ, какъ мы ранѣе видѣли, въ своихъ посланіяхъ къ царю и въ письмахъ къ другимъ лицамъ, употреблялъ всѣ усилія дискретировать Никона въ мнѣннн царя, царицы и Стефана Вонифатьевича, при чемъ онъ изображалъ Никона человѣкомъ очень жестокимъ, несправедливымъ, самовластнымъ, очень опаснымъ и для церкви и государства. Въ патріаршихъ дѣйствіяхъ Никона, особенно по отношенію къ кружку ревнителей, Нероновъ находилъ только лицемѣріе, неправду, мстительность, нарушеніе всѣхъ законныхъ нормъ и правилъ церковнаго суда; въ церковныхъ его распоряженіяхъ—легкомысліе и самочиніе, а въ общемъ находилъ, что Никонъ, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ патріаршимъ дѣйствіямъ, совсѣмъ неподходящее лицо для патріаршей кathedры.

Но всѣ усилія Неронова очернить Никона въ глазахъ царя не имѣли никакого успѣха. Алексѣй Михайловичъ думалъ тогда, что онъ лучше Неронова знаетъ Никона, и потому совсѣмъ не вѣрилъ никакимъ навѣтамъ на послѣдняго, тѣмъ

болѣе что Нероновъ выражалъ свои жалобы и обвиненія на Никона слишкомъ неспокойно и страстно, такъ что онѣ невольно производили впечатлѣннѣе не сдержанныхъ, пристрастныхъ, а иногда и прямо грубыхъ выходовъ лично обиженнаго и лично заинтересованнаго въ дѣлѣ человѣка, всячески усиливающагося наговорить своему противнику какъ можно больше обиднаго и оскорбительнаго. Алексѣй Михайловичъ не только не повѣрилъ Неронову, но, чрезъ своего духовника, даже совсѣмъ запретилъ ему писать къ себѣ. Всѣ другія попытки Неронова повліять на царя чрезъ царицу и Стефана Вонифатьевича, также не имѣли успѣха ¹⁾. Но Нероновъ, потерпѣвъ неудачу при дворѣ, не оставилъ однако борьбы съ Никономъ, теперь онъ рѣшилъ перенести ее въ народъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ сталъ пропагандировать свои взгляды на Никона въ народѣ, къ которому обращался съ зажигательными рѣчами. Отправляясь въ ссылку, Нероновъ проѣздомъ остановился въ Вологдѣ, гдѣ, по окончаніи службы въ соборѣ, обратился къ народу, по его собственному сообщенію, съ такою рѣчью: „Священники и вси церковная чада! Завелися новые еретики, мучать православныхъ христіанъ, которые поклоняются по отеческихъ преданіи, такожде и слогъ перстовъ по своему умыслу развращеннѣ сказуютъ, да за то рабъ Божіихъ мучать, и казнять, и въ дальняя заточенія посылаютъ. Азъ, грѣшный, въ крестовой, предъ соборомъ всѣхъ властей, говорилъ тѣ слова: подаль, равноапостольный благочестивый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи

¹⁾ Очень характерно, какъ Нероновъ, въ своемъ посланіи къ царицѣ, учить ее воздѣйствовать на царя въ интересахъ Неронова. „Внуши вопль мой, о христілюбиде, пишеть онъ царицѣ, и услыши глаголы моя, благоговѣрная царица, и скорбь свѣдающую душу мою утолити потщиши. Буди приносяща слезы наша благочестивому царю—государю, *примие на рущѣ надежду нашу, благий плодъ чрева твоего,—благоговѣрнаго царевича Алексея Алексѣевича, и съ нимъ соумоляющи государя нашего* благочестиваго царя, да первѣ со враги церкви брань сотворитъ, потомъ на иноплеменникъ да идетъ, никако ослабу дая въ сихъ: еда бо како тые брани не управивъ, скорбь и тцету тамо пріяти будетъ... Часто вспоминая буди государю, *сице рекій:* не преслушай, молю, благочестивый царю, нишаго протопопа Юанна моленія, еда како Богу хотящу, мвожае себѣ повредиши, неже тѣмъ“ (Матер. I, 80—83). Но всѣ эти старанія Неронова, что бы царица воздѣйствовала на царя указываемымъ имъ способомъ и словами, не имѣли успѣха.

тебѣ (т. е. Никону) волю, и ты, не узнавъ, тако всякія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де дѣлаю по евангелію и по отеческимъ преданіемъ! Ано ты такъ говоришь, какъ въ евангеліи сказуютъ: поругалися жидове истинному Христу! И во отеческомъ такожде ихъ мученіи отъ развратниковъ, аще бы не мірскія власти заступали ихъ. Да время будетъ и самъ съ Москвы поскочишь, никимже гонимъ, токмо Божиимъ изволеніемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать! Да и вы, аще о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать! Не единымъ вамъ глаголю, но и всѣмъ, на Москвѣ и на всѣхъ мѣстѣхъ, за молчаніе всѣмъ алѣ страдати! А во ономъ вѣщѣ что отвѣтъ дадимъ Владычѣ нашему истинному Христу и святымъ его страдальцемъ?“¹⁾

Повятно, что Никонъ не могъ остаться равнодушнымъ къ нападкамъ на него со стороны Неронова, къ настойчивымъ попыткамъ послѣдняго подкопаться подъ его положеніе, какъ патріарха. Никонъ, съ своей стороны, тоже предпринялъ свои мѣры и для оправданія своего поведенія относительно Неронова и для окончательнаго его пораженія.

Никонъ снялъ съ Неронова скуфью и отправилъ его въ ссылку послѣ соборнаго суда. Но Нероновъ никогда не признавалъ правильности этого осужденія, и самый осудившій его соборъ не признавалъ настоящимъ соборомъ. И царю, и царицѣ и Стефану Вонифатьевичу, и всѣмъ вообще онъ всюду постоянно, настойчиво и убѣжденно доказывалъ и разъяснял, что онъ осужденъ неправильно, вопреки правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, осужденъ Никономъ по страсти, потому что Никонъ принялъ на себя „мучительскій санъ“, чтобы безвинно „мучительно мучить“ Неронова и его благочестивыхъ друзей. Эти постоянныя, настойчивыя и страстныя заявленія Неронова, что Никонъ осудилъ его неправильно и незаконно, только тѣша свою страсть, побудили Никона позаботиться доказать несправедливость обвиненія противъ него Неронова или что тоже: доказать, что Нероновъ былъ осужденъ законно и правильно. Это можно было сдѣлать, передавъ дѣло о Нероновѣ на разсмотрѣніе другаго—большаго, чѣмъ первый, собора, а тѣмъ болѣе та-

1) Матер. 1, 106—107.

кого, на которомъ бы присутствовали лица не только авторитетныя, но и совершенно стороннія, чуждыя всякихъ мѣстныхъ личныхъ отношеній и интересовъ и потому могущія порѣшить все это дѣло вполне безпристрастно. Такія лица тогда нашлись въ Москвѣ. Это были: антиохійскій патріархъ Макарій, молдавскій митрополитъ Гедeonъ и никейскій митрополитъ Григорій. 18 мая 1656 года Никонъ созвалъ соборъ, на которомъ присутствовали указанные восточные іерархи, русскіе архіереи, архимандриты, протопопы и другое духовенство, только самъ Нероновъ не былъ приглашенъ на соборъ и судъ надъ нимъ совершался заочно. Соборъ сначала разсмотрѣлъ прежнее соборное осужденіе Неронова Никономъ и нашелъ, что тогда Нероновъ осужденъ былъ на смиреніе въ монастырь вполне законно и справедливо, такъ какъ онъ, „надувся гордостію бѣсовскою, не восхотѣ о своихъ злыхъ вину принести, но еще и вѣщше иную злобу яви, и святой соборъ укори, и досадительными неправильными словеса великаго государя святѣйшаго Никона патріарха и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи укори окаянный онъ Иванъ и непреподобный“. И когда соборъ правильно за это осудилъ его на смиреніе въ монастырь, „онъ же, Иванъ, прощенія отъ святаго собора не взыска, но тай изъ монастыря убѣже и обходя тайно, яко второй Іуда, возмущаетъ неутвержены въ словѣ души. Еще же написа, непреподобный, многая ложная и несвѣдома о великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцѣ, и о великомъ государѣ святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ московскомъ и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи, и о святыхъ вселенскихъ четырехъ патріарсѣхъ, отменяя греческаго православія, отнюдуже по благодати Святаго Духа вѣра наша возраде, и утвердися, и утверждается; еще же и старыя книги, писанныя на хартіяхъ лѣтъ за двѣсти, и за триста, и за четыреста, и за пятьсотъ, и за шестьсотъ и множае—укори, и не суть виновны нашему спасенію нарече. Ещезе, не спросивъ благословенія и не примирився святѣй церкви и пострижеса отъ своего единомысленника изъ Переславля отъ даниловскаго архимандрита Тихона, имя себѣ нарекъ Григорій. И того ради его, Ивана Неронова протопопа, иже нынѣ Григорей, и съ его единомысленники осуди святой соборъ: Иванъ Не-

роновъ, иже нынѣ въ чернцахъ Григорей, и съ своими единомысленники, иже не покоряющесе святому собору, отъ святыхъ единосущныхъ Троицы и отъ святыхъ восточныхъ церкви да будутъ прокляты“¹⁾.

Это соборное постановленіе объ отлученіи отъ церкви и проклятіе Неронова и его единомышленниковъ, торжественно и всенародно было провозглашено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служили Никонъ и антиохійскій Макаріи съ другими іерархами. У Павла Алепскаго находится объ этомъ слѣдующій рассказъ: „въ воскресенье, послѣ Вознесенія, нашъ владыка патріархъ служилъ въ соборѣ вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, и они отлучили протопопа, который прежде состоялъ при царѣ. Это тотъ самый протопопъ, котораго Никонъ заточилъ, какъ только слѣдвался патріархомъ, за то, что онъ уподобился Арію и сталъ еретикомъ, произнося хулу на четырехъ патріарховъ, и говоря о нихъ, что они, по причинѣ порабоженія ихъ турками, лишились своей власти, и произносилъ также хулу на Духа Святаго. Этотъ несчастный, убѣжавъ изъ заточенія, возвратился въ столицу, гдѣ и скрывался. Патріархъ тщетно розыскивалъ его, чтобы схватить, но не нашель, потому что онъ постоянно мѣнялъ свою одежду и перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Нашъ владыка патріархъ чрезъ драгомана говорилъ предъ всемъ народомъ такъ: назвалъ его вторымъ Аріемъ, ибо какъ тотъ былъ протопопомъ въ Александріи, такъ этотъ былъ протопопомъ въ Москвѣ, анаематствовалъ его, проклялъ и отлучилъ, а также всякаго, кто послушаетъ его слова. Пѣвчіе и священники пропѣли трижды—анаема“²⁾.

Соборное осужденіе и торжественное проклятіе Неронова въ высшей степени характерно для патріарха Никона въ томъ отношеніи, что очень рельефно характеризуетъ тѣ приемы, какіе, иногда, Никонъ пускалъ въ оборотъ, чтобы только добиться конечнаго осужденія своихъ личныхъ противниковъ.

Изъ предъявленныхъ къ Неронову обвиненій вѣрно только то, что онъ крайне рѣзко и очень пристрастно отзывался о патріархѣ Никонѣ и всей его патріаршей дѣятельности, вся-

¹⁾ Матер. 1, стр. 124—133.

²⁾ Муркоса, вып. IV, стр. 178.

чески старался вредить ему въ мнѣніи царя, царицы и царскаго духовника, что онъ и въ народѣ велъ усиленную пропаганду противъ Никона, изображая его во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ патріархомъ. Что же касается другихъ обвиненій противъ Неронова, то признать и доказать ихъ справедливость мы не имѣемъ возможности.

Нероновъ обвиняется въ томъ, что онъ, „непреподобный, написа многая ложная и несвѣдома о великомъ государѣ царѣ“ Алексѣѣ Михайловичѣ. Ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ. Челобитныя Неронова къ царю изъ Спасокаменскаго монастыря находятся передъ нами, и въ нихъ рѣшительно нѣтъ ничего, что можно было бы подвести подъ категорію „сложнаго и несвѣдомаго писанія“ о царѣ. Даже совершенно наоборотъ: въ своихъ челобитныхъ, письмахъ къ царицѣ и Стефану Вонифатьевичу, Нероновъ вездѣ выражаетъ самое глубокое и почтительное отношеніе къ царю, прямо называетъ царей „воистину по Бозѣ *бози*“, величаетъ Алексѣя Михайловича равноапостольнымъ, благочестивѣйшимъ, выражаетъ готовность пострадать и умереть за божественную царскую власть, этому учить и всѣхъ другихъ; царскую власть считаетъ выше духовной, она, по его мнѣнію, должна исправлять и вершить и всѣ церковныя дѣла. Нероновъ постоянно именно тѣмъ и гордился, что онъ всегда и вездѣ безбоязненно стоялъ за царскую честь, которую стремился унижить Никонъ, и потому указанное обвиненіе противъ него рѣшительно несправедливо и что подало къ нему поводъ, мы не знаемъ.

Обвиненіе Неронова, что онъ многое ложное писалъ „о святыхъ вселенскихъ четырехъ патріарсѣхъ, отменяя греческаго православія, отнюдуже по благодати Святаго Духа вѣра наша возраде, и утвердися, и утверждается“,—тоже совершенно несправедливо, о чемъ мы скажемъ нѣсколько ниже.

Соборъ обвинялъ Неронова въ томъ, что будто бы онъ „святыхъ старыя книги, писанныя на хартіяхъ лѣтъ за двѣсти, и за триста, и за четыреста, и за пятьсотъ, и за шестьсотъ и множае укори, и не суть виновны нашему спасенію нарече“. Но само собою понятно, что со стороны Неронова ничего такого не было и не могло быть, а было какъ разъ обратное: Нероновъ стоялъ именно за старыя книги, ихъ

только читиль и признаваль, а укоряль и отрицаль книги новыя т. е. новоисправленныя Никономъ.

Наконецъ соборъ обвиняль Неронова въ томъ, что онъ „не испросивъ благословенія и не примирився святѣй церкви и пострижеса отъ своего единомысленника изъ Переславля отъ даниловскаго архимандрита Тихона, имя себѣ нарекъ Григорій,“ т. е. соборъ обвиняетъ его въ своевольномъ постриженіи въ иночество. Но въ дѣйствительности дѣло происходило такъ: Нероновъ постригся въ монахи по настоянію и предписанію (запискѣ) царскаго духовника Стефана Вонифатьевича, у котораго онъ тайно и прожилъ нѣсколько недѣль. Все это дѣлалось съ одобренія и разрѣшенія самого государя Алексѣя Михайловича, который ни слова объ этомъ не сказалъ Никону и не выдалъ ему Неронова, котораго Никонъ въ это время всюду розыскиваль, не подозрѣвая, что онъ проживаетъ рядомъ съ нимъ, у царскаго духовника, и что объ этомъ знаетъ царь. Ясно, что Нероновъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ несамочинно, а съ одобренія царя, власть котораго онъ всегда признаваль выше духовной и имѣющей право вершить и церковныя дѣла, даже помимо патріарха.

На основаніи такихъ то обвиненій, кромѣ двухъ указанныхъ, явно несостоятельныхъ, Никонъ добился торжественнаго осужденія и проклятія Неронова и его друзей, причемъ это проклятіе произнесъ не Никонъ, а сторонній іерархъ—самъ вселенскій антиохійскій патріархъ Макарій.

Нельзя не сознаться, что антиохійскій патріархъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ очень жалкую роль: онъ въ Успенскомъ соборѣ, торжественно и всенародно, по желанію Никона, назвалъ Неронова вторымъ Аріемъ потому, „что какъ тотъ (Арій) былъ протопопомъ въ Александріи, такъ этотъ (Нероновъ) былъ протопопомъ въ Москвѣ“. При этомъ свидѣтель и разскащикъ о событіи Павелъ Алепскій замѣчаетъ, что Нероновъ уподобился Арію потому, что онъ порицаль четырехъ вселенскихъ патріарховъ и что будто бы онъ „произносилъ хулу на Духа Святаго“. Очевидно патріархъ Макарій, произнося анаѣму на Неронова и уподобляя его Арію, плохо понималъ, что онъ дѣлалъ, и совсѣмъ не зналъ человѣка, котораго онъ такъ торжественно и всенародно анаѣматствовалъ. Макарій выслуживался въ данномъ случаѣ предъ все-

могущимъ тогда Никономъ и съ спокойною совѣстію продолжалъ все, чтобы тотъ ни потребовалъ отъ него, такъ какъ ему нужно было получить отъ русскаго правительства возможно щедрую и богатую милостыню, ради которой онъ пріѣхалъ въ Москву.

Между тѣмъ Нероновъ, послѣ своего тайнаго постриженія въ монахи, скрывавшійся въ разныхъ мѣстахъ отъ разыскивавшаго его Никона, рѣшилъ отправиться въ Москву, чтобы проститься съ своимъ умершимъ другомъ и братомъ—протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ и поплакать на его гробѣ. Когда Нероновъ прибылъ въ Москву, то близкіе его стали умолять его, чтобы онъ показался патріарху, но другіе были противъ этого и настаивали—„яко да хранить себе“. Тогда Нероновъ заявилъ спорившимъ между собою друзьямъ своимъ: „иду, смотрите,—и благодать Божія со мною: ваша ради пользы не прекоснется зло“. Нероновъ отправился къ патріарху, съ цѣлію примириться съ нимъ. Къ этому его располагали разныя обстоятельства. Со смертію Стефана Вонифатьевича онъ лишился своей главной опоры, защиты и ходатая за него предъ царемъ. Онъ зналъ, что Стефанъ умеръ въ мирѣ съ Никономъ и всегда усиленно хлопоталъ, съ согласія царя, его, Неронова, примирить съ патріархомъ. Нероновъ рѣшилъ теперь исполнить всегдашнее желаніе своего умершаго друга и брата, хорошо, конечно, зная, что таково же всегда было и желаніе самого государя. Прибывъ въ Москву, Нероновъ отъ своихъ друзей узналъ, что его дѣло вновь пересматривалось на соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ антиохійскій патріархъ, и что этотъ соборъ сталъ на сторону Никона, а его окончательно отлучилъ отъ церкви и всенародно предалъ анаемѣ. Это извѣстіе должно было произвести на Неронова самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе, должно было сильно поколебать его прежнюю увѣренность въ своей правотѣ и не въ правотѣ и беззаконіи Никона. Доселѣ Нероновъ былъ искренно и твердо убѣжденъ, что Никонъ осудилъ его незаконно и несправедливо, почему онъ упорно и боролся съ нимъ. Но теперь оказалось, что совсѣмъ сторонній чловѣкъ,—самъ вселенскій антиохійскій патріархъ нашелъ его осужденіе Никономъ правильнымъ и не только подтвердилъ это осужденіе, но еще усилилъ его. А Нероновъ, какъ сейчасъ увидимъ, съ уваженіемъ отно-

сился къ восточнымъ патріархамъ и признавалъ ихъ авторитетъ и въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Но этого мало. Нероновъ возставалъ на Никона не только какъ на человѣка несправедливаго, жестокаго, дѣйствующаго по страсти, но и какъ на человѣка, окружившаго себя очень сомнительными во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно въ вѣроисповѣдномъ, иностранными иноками, подъ вліяніемъ и по совѣту которыхъ онъ самочинно и сталъ ломать русскую завѣтную святую церковную старину и замѣнять ее сомнительнымъ новымъ, что грозитъ русской церкви всякими бѣдами и опасностями. Именно поэтому Нероновъ и считалъ себя обязаннымъ неустанно бороться съ Никономъ, какъ самочиннымъ нововводителемъ и презрителемъ родной святой старины. Но прибывъ въ Москву, Нероновъ познакомился здѣсь съ новой, недавно напечатанной, книгой *Скрижалъ*, въ которой предписывалось креститься тремя, а не двумя перстами, какъ этого ранѣе требовалъ Никонъ. Самая книга *Скрижалъ*, дѣлающая такія предписанія о перстосложеніи, оказалась свидѣтельствомъ и одобренною четырьмя восточными патріархами. Значить, и въ вопросѣ о перстосложеніи для крестнаго знаменія Никонъ оказался не самочинникомъ и новаторомъ, а только проводникомъ и исполнителемъ воли четырехъ вселенскихъ патріарховъ, предающихъ клятвѣ всѣхъ непокоряющихся ихъ распоряженіямъ. Это окончательно убило въ Нероновѣ его прежнюю столь непоколебимую увѣренность, что Никонъ, измѣняя русскую церковную старину, дѣйствуетъ самочинно, по совѣту и указаніямъ очень сомнительныхъ иностранныхъ иноковъ, и Нероновъ теперь пошелъ на примиреніе, на которое такъ настойчиво звалъ его ранѣе другъ его и покровитель Стефанъ Вонифатьевичъ. „Кто есмь окаянный азъ? сталъ размышлять смущенный Нероновъ; со вселенскими патріархи раздоръ творити не хочу, ниже противенъ буду: что же ради и подъ клятвою у нихъ буду? Есть еще угодно будетъ кое дѣло Богу, всяко явится, леть же потребится“ ¹⁾).

Наши изслѣдователи, какъ вѣчто не подлежащее сомнѣнію, считаютъ обыкновенно Неронова принципиальнымъ противникомъ грековъ, признающимъ, что тогдашніе греки уже

¹⁾ Матер. 1, 146.

потеряли православіе; и есть изслѣдователи, которые утверждаютъ, что именно „участіе греческой церкви (въ новшествахъ, вводимыхъ Никономъ) вполне убѣдило Неронова въ еретичности этихъ новшествъ“. Приведенныя выше слова Неронова, что онъ не хочетъ противиться вселенскимъ патріархамъ и быть подъ ихъ клятвою, будто бы „сказаны были неискренно“, что онъ „и теперь продолжалъ считать вселенскихъ патріарховъ впадшими въ ересь, вслѣдствіе порабощенія ихъ невѣрными, а видимымъ наружнымъ примиреніемъ съ церковію хотѣлъ только снять съ себя соборное проклятіе, оставаясь въ душѣ такимъ же противникомъ преобразованій и греческой церкви, какъ и прежде“¹⁾.

Указанный взглядъ на отношеніе Неронова къ греческой церкви и къ вселенскимъ восточнымъ патріархамъ, увѣреніе, что онъ будто бы былъ неискреникъ, лицемерилъ, когда заявлялъ, что не хочетъ противиться вселенскимъ патріархамъ и быть подъ ихъ клятвою, совершенно невѣренъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ Нероновъ всегда признавалъ греческую церковь и вселенскихъ патріарховъ православными, и вовсе не думалъ, и даже не допускалъ мысли, чтобы онъ, возставая противъ первоначальныхъ исправленій Никона, въ существѣ дѣла возставалъ противъ самихъ восточныхъ патріарховъ. Это потому, что Нероновъ изъ всѣхъ провинціальныхъ членовъ кружка ревнителей представлялъ изъ себя въ этомъ отношеніи прямое исключеніе. Благодаря особымъ обстоятельствамъ своей жизни онъ, такъ сказать, воспитался на томъ представленіи, тогда у насъ сравнительно рѣдко, что греческая церковь и восточные патріархи православны, и что имъ принадлежитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, высшее право верховнаго руководства и въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ.

Нероновъ происходилъ изъ крестьянской семьи, жившей недалеко отъ Вологды. Еще будучи юношей, Нероновъ оставилъ родное село и пришелъ въ Вологду, гдѣ сразу заявилъ себя горячимъ и смѣлымъ ревнителемъ благочестія. Онъ пришелъ въ городъ на святкахъ, „когда неразумніи люди обыкоша собиратися на бѣсовскія игрища паче прочихъ

¹⁾ Графа А. Гейдена: Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ, стр. 47—53. Спб. 1886 г.

дней, налагающе на лица свои личины разныя страшныя, по подобію демонскихъ зраковъ“. Увидѣвъ ряженныхъ, выходящихъ притомъ изъ архіерейскаго дома, молодой Іоаннъ „разжегся духомъ, нача обличати ихъ съ дерзновеніемъ“, за что очень жестоко и былъ избить ряженными. Этотъ первый, не особенно удачный опытъ публичной обличительной дѣятельности, не охладилъ однако ревности Іоанна. Оставивъ негостепримную Вологду, онъ удалился въ предѣлы града Устюга, гдѣ „въ нѣкоей вѣси“ рѣшился обучиться у одного благочестиваго мастера грамотѣ, безъ которой для него невозможно было проходить съ успѣхомъ служеніе общественнаго обличителя и наставника благочестію. Медленно давалась Іоанну грамота, „единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть“, учитель даже опасался за цѣлость его зрѣнія, такъ какъ Іоаннъ „прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше“. Но энергія и усидчивость преодолѣли все, разумъ Іоанна наконецъ отверзся и онъ сталъ разумѣть (читать) писанія лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Оставивъ предѣлы Устюга, Іоаннъ перешелъ въ предѣлы града Юрьевца Повольскаго, въ село Никольское, гдѣ и женился на дочери тамошняго священника. Живя у тестя священника, Нероновъ ревностно занимался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, и въ то же время „видѣвъ іереевъ вѣси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ шланства ради и многаго безчинства“. И на этотъ разъ обличенія не прошли для него даромъ. Священники написали на него доносъ патриарху Филарету Никитичу, при чемъ на доносѣ подписались не только нѣкоторые мірскіе люди, но и самъ тестъ Іоанна. Тогда Нероновъ тихонько ночью оставилъ село и отправился въ Троице-Сергіевъ монастырь, отъ котораго зависѣло Никольское. У Троицы одинъ инокъ, которому Нероновъ все рассказалъ о себѣ, принялъ въ немъ участіе и свелъ его въ келью тогдашняго знаменитаго троицкаго архимандрита преп. Діонисія, который приказалъ ему жить въ своей кельи. „И живяше Іоаннъ въ келіи не мало время съ преподобнымъ архимандритомъ, непрестанно читая книги божественнаго писанія, и въ правилѣ келейномъ и во всеобщихъ бдѣніяхъ съ нимъ трудяся. И повѣда тому о себѣ вся подробну“. Близко познакомившись съ Нероновымъ, преп. Діонисій написалъ объ немъ особое рекоменда-

тельное письмо къ патриарху Филарету Никитичу, въ которомъ не только вскрылъ всю ложь доноса на Іоанна со стороны никольскихъ священниковъ, но и просилъ патриарха посвятить Іоанна, какъ вполне достойнаго, во діаконы. Съ этимъ рекомендательнымъ письмомъ преп. Діонисія Неронова лично явился къ Филарету Никитичу, который немедленно посвятилъ его въ діаконы и отправилъ въ Никольское съ особою грамотою и приказаніемъ мѣстному начальству сдѣлать розыскъ и наказать лживыхъ донощиковъ на Неронова. Черезъ годъ послѣдній отправился въ Москву и Филаретъ Никитичъ посвятилъ его въ іерея. Съ теченіемъ времени Неронова сталъ извѣстенъ въ Москвѣ не только Филарету Никитичу, но и самому царю, многимъ знатнымъ боярамъ, которыхъ онъ, будучи въ Москвѣ, ретиво обличалъ за нѣкоторые иноземный и варварскій обычай. Съ своей стороны патриархъ Филаретъ Никитичъ сталъ такъ высоко цѣнить ревностнаго по благочестію Іоанна, что нарочно приглашалъ его къ себѣ въ патриархію и даже къ своему столу. Такъ началась и создавалась вся начальная карьера и широкая извѣстность Неронова, создавалась исключительно благодаря архимандриту Троице-Сергіева монастыря преп. Діонисію и патриарху Филарету Никитичу. Обѣ эти личности неизбежно должны были оставить глубокой слѣдъ въ возрѣвіяхъ Неронова съ интересующей насъ стороны, т. е. со стороны его возрѣній на православіе восточныхъ патриарховъ и всей греческой церкви вообще.

Архимандритъ Троице-Сергіева монастыря преп. Діонисій былъ убѣжденнымъ грекофиломъ и, въ извѣстной степени, проводникомъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ грекофильскихъ идей. Какъ мы уже ранѣе замѣчали, преп. Діонисій былъ горячимъ почитателемъ преп. Максима Грека, заботился о распространеніи исправленныхъ имъ съ греческихъ русскихъ церковныхъ книгъ, и самъ преп. Діонисій, при исправленіи имъ Потребника, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прибѣгалъ къ греческому тексту. Когда онъ за свои книжныя исправленія, и особенно за уничтоженіе въ молитвѣ при освященіи воды въ Богоявленіе слова *и огнемъ*, подвергся заключенію въ темницѣ и истязаніямъ, то его защитникомъ и ходатаемъ предъ царемъ, а потомъ и Филаретомъ Никитичемъ, былъ іерусалимскій патриархъ Теофанъ, прибывшій

тогда въ Москву и принявшій въ дѣлѣ Діонисія, какъ рѣдкаго тогда въ Москвѣ грекофила, самое живое и близкое участіе. Послѣ, посѣтивъ Троице-Сергіевъ монастырь, Теофанъ оказалъ преп. Діонисію особую чрезвычайную честь: возложилъ на его главу свой патріаршій т. е. греческій клобукъ. Вотъ къ какому человѣку пришелъ молодой причетникъ Нероновъ, вотъ съ кѣмъ онъ жилъ не малое время въ одной кельѣ, съ кѣмъ вмѣстѣ молился, читалъ книги и бесѣдовалъ. Естественно, что преподобный Діонисій внушилъ и передалъ Неронову свое высокое уваженіе и почтеніе къ своему благодѣтелю, іерусалимскому патріарху, а также и къ другимъ восточнымъ патріархамъ; у него Нероновъ научился смотрѣть на нихъ какъ на православныхъ, какъ призванныхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, содѣйствовать приведенію въ порядокъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, въ чемъ либо отступившихъ отъ нормъ, признанныхъ вселенскою греческою церковію; отъ преподобнаго же Діонисія Нероновъ научился высоко ставить и чтить сочиненія преп. Максима Грека, съ которыми онъ конечно хорошо познакомился, проживая у преп. Діонисія.

Если знакомство съ преп. Діонисіемъ, первымъ покровителемъ и благодѣтелемъ Неронова, спасшимъ его отъ рукъ способныхъ на все клеветниковъ, и открывшимъ ему широкій путь къ дальнѣйшей почетной и вліятельной дѣятельности, необходимо приводило его къ почтительному отношенію къ восточнымъ патріархамъ и къ признанію ихъ вполне православными: то это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось въ немъ благодаря его личному и довольно близкому знакомству съ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, который явился, послѣ преп. Діонисія, вторымъ его благодѣтелемъ. Филаретъ Никитичъ, какъ мы знаемъ, былъ тоже убѣжденнымъ грекофиломъ. Онъ поддерживалъ очень широкія и разнообразныя сношенія съ православнымъ востокомъ, какъ ставленникъ іерусалимскаго патріарха Теофана, глубоко чтилъ не только его лично, но и другихъ вселенскихъ патріарховъ, кое-что исправлялъ въ русской церковной практикѣ по указаніямъ восточныхъ патріарховъ, окружалъ себя пріѣзжавшими въ Москву за милостынею греческими іерархами, которые иногда подолгу жили въ Москвѣ и пользовались особымъ расположеніемъ и довѣріемъ патріарха. Все это конечно хорошо ви-

дѣль и зналъ Нероновъ и у него естественно сложилось убѣжденіе, что восточные патріархи, а также и всѣ тогдашніе греки, такъ же православны, какъ и русскіе.

Правда, у Неронова мы встрѣчаемъ такіе отзывы объ иностранныхъ т. е. греческихъ собственно инокахъ. Въ челобитной государю онъ пишетъ: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истинѣ не развратниковъ, коихъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителѣй, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусши житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и пѣяство любятъ, вмѣсто, еже Христе ради истаяти тѣло, мягкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лица истинны вообразити не хотятъ, и сложенію персть блядословнѣ противятся, яко врази истинѣ и ругатели, на колѣни же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ, и лжу сшиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи, своеволнѣ блядуть на прелесть безумнымъ человѣкомъ“. Въ приведенныхъ словахъ Неронова однако вовсе не заключается той мысли, чтобы онъ сомнѣвался къ православію восточныхъ патріарховъ и грековъ вообще, онъ только говоритъ, что царю, не испытавъ предварительно, не слѣдуетъ слушать иностранныхъ (т. е. греческихъ) неизвѣстныхъ иноковъ, такъ какъ между ними нерѣдко встрѣчаются такія лица, которыя ведутъ очень предосудительную жизнь и очень подозрительны и ненадежны въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, и потому опасны для чистоты православія русскихъ. И въ этомъ случаѣ Нероновъ ничего не выдумывалъ, такъ какъ къ намъ тогда съ православнаго востока, подъ видомъ угнетаемыхъ турками грековъ милостынесобирателей, являлось не мало лицъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ очень сомнительныхъ и подозрительныхъ. Нероновъ прямо и указываетъ царю на одного такого крайне подозрительнаго иностранца, совѣтовъ котораго однако у насъ слушаютъ—на извѣстнаго инока Арсенія грека. И самому Никону Нероновъ прямо въ глаза говорилъ, что Арсеній человѣкъ крайне сомнительный, не разъ мѣнявшій свою вѣру и что за это онъ сосланъ былъ въ заточеніе на Соловки. „А ты, говорилъ Нероновъ Никону,

ево взялъ изъ Соловецкаго монастыря на смуту, и устроилъ того, яко учителя, паче же къ тисненію печатному правителя. Свидѣтели Арсенію много, что онъ порочный чело-вѣкъ“. На эти обличенія Неронова Никонъ нашелся только отвѣтить: „лгутъ-де на него (Арсенія) старецъ Григорій, то-де на него солгаль, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ Сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посланъ былъ по государеву указу и по благословенію Іосифа патріарха въ Іерусалимъ и въ прочія государства“. Трудно понять этотъ отвѣтъ Никона объ Арсеніѣ, какъ будто Никонъ дѣйствительно ничего не зналъ объ Арсеніѣ, хотя подлинное слѣдственное дѣло о немъ, во время котораго самъ Арсеній чистосердечно признался, что онъ дѣйствительно не разъ мѣнялъ вѣру, дошло даже до насъ, и Никону должно бы быть хорошо извѣстно. Во всякомъ случаѣ указанная нападки Неронова на иностранныхъ сомнительныхъ иноковъ и, въ частности, на Арсенія грека, никакъ нельзя понимать въ смыслѣ выраженія Нероновымъ недовѣрія къ православію всѣхъ грековъ вообще, а тѣмъ болѣе самихъ восточныхъ патріарховъ.

Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „святитель! иноземцевъ (т. е. грековъ) ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ приемишь, благовѣрны и благочестни тѣхъ родители нарицаешь; а мы прежде сего у тебя же слышали, что многожды ты говаривалъ намъ: гречане-де и малые росіи (малороссы) потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ-де правомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія не мало. А нынѣ у тебя то и святые люди и закона учителя“. II въ данномъ случаѣ Нероновъ ни слова не говоритъ о томъ, что бы онъ раздѣлялъ или считалъ справедливымъ не разъ до патріаршества высказываемое Никонѣмъ его убѣжденіе, что греки и малороссы „потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ“. Нероновъ приводитъ, или вѣрнѣе, напоминаетъ Никону о его раннѣйшихъ отзывѣхъ о грекахъ и малороссахъ съ тою единственною цѣлію, чтобы въ глаза уличить Никона въ непостоянствѣ, въ измѣнчивости, въ томъ, что онъ нынѣ хвалитъ и превозноситъ то, что вчера самъ же бранилъ. Въ данномъ случаѣ рѣчи Неронова къ Никону имѣли ту же цѣль и зна-

ченіе, какое имѣли и другія его рѣчи подобнаго же характера. Нероновъ, напимѣръ, еще до своей ссылки, говорилъ Никону: „доселѣ ты протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ у тебя въ крестовой совѣтники его, врагами Божіими и разорительми закона Господня сказываль; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди. Прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ... а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойніи стали“. Или, напимѣръ, Нероновъ говорилъ Никону: „а се ты укоряешь новоуложенную книгу (Уложеніе царя Алексѣя Михайловича) и посохомъ ея попираешь и называешь ея недоброю; а ты и руку приложилъ, когда ея строили: се ты въ тѣ поры называлъ ея доброю“. Въ этихъ случаяхъ Нероновъ, очевидно, нарочно подчеркиваетъ только непостоянство и измѣнчивость воззрѣній и отношеній Никона, то обстоятельство, что онъ былъ одно до патріаршества и совсѣмъ иное, когда сдѣлался патріархомъ.

Такимъ образомъ Нероновъ, благодаря своему близкому знакомству и хотя временному, но тѣсному общенію съ преп. Діонисіемъ, и благодаря своей относительной близости къ патріарху Филарету Никитичу, никакъ не могъ быть, да дѣйствительно и не былъ принципиальнымъ противникомъ греческихъ патріарховъ. Въ дошедшихъ и до насъ его челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, онъ нигдѣ и ни разу не заявлялъ, чтобы восточные патріархи и тогдашніе греки вообще были неправославны. Слѣдовательно, когда онъ говорилъ: „кто есмь окаянный азъ? Со вселенскими патріархи раздоръ творити не хочу, ниже противень буду: что же ради и подь клятвою у нихъ буду?“, то говорилъ это не по лицемѣрью, а искренно и по убѣжденію.

Но если Нероновъ не былъ противникомъ восточныхъ патріарховъ, вполне признавалъ ихъ авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ, то, само собою понятно, онъ не могъ быть и принципиальнымъ противникомъ церковныхъ исправленій Никона, поскольку онѣ совершались послѣднимъ не по его личному усмотрѣнію, или по совѣту и указаніямъ его сомнительныхъ справщиковъ, а по совѣту, указаніямъ и по одобренію восточныхъ патріарховъ. Противъ такихъ исправленій Нероновъ не думалъ возставать, и это онъ съ особенною ясностію и опредѣленностію выразилъ во время своего примиренія съ Никономъ, или точнѣе: во время своего примиренія съ

церковію. 4-го января 1657 года Нероновъ, доселѣ скрывавшійся, неожиданно явился предъ Никономъ, когда тотъ шелъ къ обѣдни, и первымъ дѣломъ поспѣшилъ заявить Никону свою основную, руководящую всею его борьбою, мысль: что ты (Никонъ) единъ не затѣваешь, то дѣло некрѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святой владыко“, т. е. Нероновъ думаетъ, что многое Никономъ въ его церковныхъ исправленіяхъ сдѣлано самочинно, только по его собственному умыслу, и что все это непрочно и будетъ передѣлано его преемникомъ. Въ послѣдующихъ затѣмъ препирательствахъ съ Никономъ, Нероновъ опять настойчиво заявляетъ: „со вселенскими же патріархи нѣсмь противенъ, яко же глаголеши ты, но тебѣ единому не покорялся“. И потомъ опять заявляетъ: „аще ты съ ними (вселенскими патріархами) соглашался, азъ сему непротивенъ: то чаю смотри, чтобъ истинна была,—азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріархъ быти не хочу“. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, когда Нероновъ увѣрился, что восточные патріархи одобряютъ не двоеперстіе, а троеперстіе, онъ сталъ, по выраженію протопопа Аввакума, „въ сложеніи перстовъ малодушествовать“ т. е. сталъ креститься тремя перстами. Правда Нероновъ, до самаго собора 1667 года, служилъ по старымъ служебникамъ и не хотѣлъ признавать вновь исправленныхъ Никономъ, но на это, съ своей точки зрѣнія, онъ имѣлъ полное право, тѣмъ болѣе, что онъ публично и открыто не хулилъ новыхъ служебниковъ. Въ челобитной царю объ избраніи преемника Никону, Нероновъ пишетъ, что вятскій епископъ Александръ „въ тисненіи печатномъ книги ево, Никонова, мудрованія ересей полны показа и блуженія, рекше превратовъ“. Этимъ заявленіемъ Нероновъ хочетъ сказать царю, что самъ онъ—Нероновъ ничего не говоритъ противъ новоисправленныхъ Никономъ служебниковъ и самъ ихъ не отрицаетъ, но что другіе, даже члены высшей церковной іерархіи, каковъ вятскій епископъ Александръ, находятъ въ нихъ ереси и превраты, почему онъ, Нероновъ, дѣломъ благоразумія и осторожности считаетъ держаться старыхъ служебниковъ, не похуляя однако и новыхъ. И дѣйствительно Нероновъ, до поры до времени, держался старыхъ служебниковъ, причемъ онъ это дѣлалъ съ разрѣшенія самихъ цер-

ковныхъ властей, а не своевольно. Такъ самъ патріархъ Никонъ, примирившись съ Нероновымъ, позволялъ ему служить, даже въ московскомъ Успенскомъ соборѣ по старымъ служебникамъ, находя, что старые и новые служебники одинаково добры. Въ 1664 году Симонъ, архіепископъ вологодскій, показывалъ, что билъ ему челомъ Нероновъ, „чтобъ онъ, архіепископъ, благословилъ ево, Григорья, служить по старымъ служебникамъ, которые печатаны при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ, а по нынѣшнимъ де служебникомъ ему, Григорью, не служивать; а вины ему, архіепископу, онъ, Григорей, на нынѣшніе служебники не сказалъ“. Нероновъ, съ своей стороны, на допросъ заявилъ, что онъ дѣйствительно просилъ архіепископа Симона разрѣшить ему служить по старымъ служебникамъ, „и преосвященный де архіепископъ благословилъ меня потому старому служебнику служить, *когда де ты новыхъ служебниковъ не хулишь и въ люди такихъ рѣчей не износишь*“. И хотя Симонъ заявлялъ, что онъ будто бы не давалъ Неронову подобнаго разрѣшенія, но, въ этомъ случаѣ, вѣроятноже показаніе Неронова, такъ какъ архіепископъ Симонъ, ставленикъ и строгій послѣдователь Никона, по его примѣру могъ разрѣшить Неронову служить по старымъ служебникамъ, не видя въ этомъ ничего зловреднаго, если только Нероновъ не хулилъ, и притомъ публично, новыхъ служебниковъ. „Преосвященные митрополиты (Іона ростовскій и Павель сарскій) старца Григорья допрашивали: впредь ему, Григорью, по новымъ служебникамъ служить-ли? И старецъ Григорей преосвященнымъ митрополитомъ сказалъ, что ему по новому служебнику не служить, а служить ему по старому служебнику.“ Не видать, чтобы митрополиты запретили Неронову служить по старому служебнику. И это понятно. Нероновъ не хотѣлъ служить по новымъ служебникамъ единственно потому, что не довѣрялъ книжнымъ исправленіямъ Никона, поручившаго вести книжныя исправленія такому крайне ненадежному человѣку, какимъ былъ Арсеній грекъ. Онъ не хулилъ новыхъ книгъ, а только не принималъ ихъ и считалъ болѣе благоразумнымъ и вѣрнымъ держаться старыхъ. Когда же онъ узналъ, что вселенскіе патріархи, пріѣхавшіе въ 1666 году въ Москву для суда надъ Никономъ, одобряютъ однако новоисправленный, а не старый служебникъ, то, каея чистосер-

дечно въ своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, Нероновъ заявлялъ вселенскимъ патріархамъ, что впредь онъ уже ничего не будетъ имѣть противъ новоисправленныхъ книгъ, причемъ къ этому заявленію онъ дѣлаетъ такое пояснительное дополненіе: „доселѣ держахъ прежнія печатныя книги, служебники и потребники, а новопечатныхъ не хулихъ до сего собора, токмо не принимахъ.... И на соборѣ ихъ о книгахъ никогда истязанъ не быхъ, и азъ о томъ не прикословихъ“.

Итакъ, Нероновъ не только признавалъ восточныхъ патріарховъ вполне православными и ихъ высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, но и не возставалъ принципиально противъ церковныхъ исправленій Никона, если онѣ одобрялись, какъ правыя и законныя, восточными патріархами, и въ концѣ призналъ всѣ новоисправленныя книги, какъ одобренныя восточными патріархами, вполне правыми и сталъ ими пользоваться, совсѣмъ оставивъ старыя. Но, въ такомъ случаѣ, что же значитъ многолѣтняя борьба Неронова съ Никономъ, противъ чего же онъ собственно боролся?

Во всѣхъ своихъ челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, какъ мы не разъ замѣчали, Нероновъ изображаетъ намъ Никона человѣкомъ непостояннымъ и измѣнчивымъ во всемъ: и въ дружбѣ, и въ убѣжденіяхъ, и въ обычныхъ, и въ служебныхъ отношеніяхъ,—что у Никона нынѣ хорошо, то завтра, при измѣнившихся обстоятельствахъ, можетъ неожиданно оказаться худо, и наоборотъ. При этомъ Никонъ, живописуегъ Нероновъ, былъ очень обидчивъ, нетерпимъ, пристрастенъ, склоненъ слушать всякихъ недобросовѣстныхъ доносчиковъ, былъ слишкомъ скоръ и суровъ на расправу, дѣйствуя въ этомъ случаѣ не архипастырски и духовно, какъ бы слѣдовало, а свѣтски и мучительски. Кромѣ того Никонъ, по изображенію Неронова, приближая къ себѣ людей нехорошихъ и особенно — крайне сомнительныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежныхъ иностранныхъ иноковъ, подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, сталъ слишкомъ увлекаться иноземнымъ, сталъ пренебрежительно-легкомысленно относиться къ родной святой старинѣ, давая предъ нею рѣшительное преимущество иноземному; безъ всякой серьезной нужды и достаточныхъ основаній, сталъ своевольно ломать старыя русскія установившіяся церковныя обычаи и

замѣнять ихъ новыми, что смущаетъ всѣхъ благочестивыхъ и нарушаетъ миръ церкви. Наконецъ Нероновъ изображаетъ намъ Никона человѣкомъ зараженнымъ крайнимъ самомнѣніемъ и чрезвычайно гордостію. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, возмнилъ о себѣ черезчуръ много: сталъ думать, что его патріаршая власть стоитъ выше царской, почему онъ и старался совсѣмъ заслонить собою царя, котораго дѣйствительно изъ за патріарха, увѣряетъ Нероновъ, стало уже совсѣмъ не слышно. Но въ общемъ, въ представленіи Неронова, Никонъ вовсе не какой нибудь сознательный еретикъ, вовсе не врагъ православія и церкви сознательно, не сосудъ дьявола, не предтеча антихриста, какимъ онъ потомъ явился въ представленіи Аввакума и его единомышленниковъ, а просто только во всѣхъ отношеніяхъ неустойчивый, увлекающійся, довольно легкомысленный и въ общемъ нравственно несостоятельный человѣкъ, способный, благодаря своимъ отрицательнымъ качествамъ, а въ то же время громадной власти и довѣрію царя, принести своею дѣятельностію большой вредъ церкви и государству. Того легендарнаго Никона, какаго мы находимъ потомъ у Аввакума и его послѣдователей, у Неронова совсѣмъ нѣтъ,—Никонъ у него дѣйствительное и притомъ очень обыкновенное лицо, во многомъ довольно вѣрное исторически. Нероновъ ведетъ, поэтому, энергичную борьбу съ Никономъ вовсе не какъ съ еретикомъ, или сознательнымъ врагомъ церкви и орудіемъ дьявола, а только какъ съ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ непригоднымъ для патріаршей кathedры, и даже очень опаснымъ по своимъ качествамъ и увлеченіямъ для мира церкви. Поэтому онъ возстаетъ и ведетъ борьбу только лично противъ Никона, котораго поскорѣе нужно лишить патріаршей кathedры и передать ее другому лицу, которое и передѣляетъ все, что неподобающаго сдѣлалъ Никонъ. Такой характеръ борьбы Неронова только противъ личности Никона, ясно выраженъ во всѣхъ его челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, этотъ же характеръ борьбы сказался и въ моментъ его примиренія съ Никономъ.

4 января 1657 года, какъ мы видѣли, Нероновъ явился къ Никону, когда тотъ шелъ въ Успенскій соборъ къ литургіи, съ цѣлю примиренія съ нимъ. Но дѣло примиренія велъ очень своеобразно, такъ, какъ будто онъ—Нероновъ былъ и

обвинителемъ и судьбою Никона, который долженъ былъ и оправдаться предъ нимъ и отвѣтить на предъявленныя къ нему обвинения. Когда послѣ литургіи Нероновъ пришелъ въ патріаршую крестовую, онъ говорилъ Никону: „что ты, святитель, приказалъ меня искать по всему россійскому государству, и многихъ мене ради муками обложилъ и съ дѣтьми разлучилъ, и рыдати и плакати устроилъ, иніи же въ темницахъ и помроша,—іерей же и людины,—и что вина, ея же ради таково взысканіе творози о мнѣ?—дары убо многи обѣщевашаи обрѣтшимъ мене, и чести и достоинства! И се азъ есмь предъ тобою: что хощещи творити о мнѣ! Со вселенскими же патріархами нѣсмь противень, якоже глаголиши ты, но тебѣ единому не покорялся“. Никонъ промолчалъ. Тогда Нероновъ поднялъ тонъ: „Кая тебѣ честь, владыко святыи, говорилъ онъ Никону, что всякому еси страшень и другъ другу грозя глаголють: знаете ли кто ты? звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? И како отца дѣтемъ непознавати! Дивлюся, — государевы царевы власти уже не слышать; отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны, и кто же съ ними смѣетъ глаголати что, аще силою тѣ озлобляеми тѣми. Затвержено у нихъ: знаете ли патріарха! Не знаю, который образъ или званіе пріялъ еси. Ваше убо святительское дѣло—Христово смиреніе подражати и Его, пречестнаго Владыки нашего, святую кротость“. На эти рѣвкія до крайности обличенія Неронова патріархъ отвѣтилъ: „не могу, батюшко, терпѣть“. Тогда Нероновъ, съ разрѣшенія патріарха, продолжилъ свою обличительную рѣчь: „Христось первѣе пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ святымъ его стопамъ. И кто за тебя будетъ терпѣть? Сего ради вы святители, что всѣхъ немощи носити, а не бити, ни мучити; что ради и глава наречешися, яко да добрѣ снабдиши уды своя, и присно тѣми печешися, и о благихъ да промышляеши. Аще убо утроба ти болитъ, всяко не дерзнешаи сихъ ради тоя разрѣзати и вонъ испустити, но о здравіи тоя множае прилежиши: сице подобаеть и о врученномъ ти стадѣ отъ Бога предразсудати, аще бо зриши тѣхъ и во мнози неисправленіи пребывающихъ, не мучити тѣхъ подобаеть, но учити и наказовати, и кротцѣ о здравіи душъ тѣхъ промышляти: вси бо суть ти, утроба ти есть,

рѣзати и отметати тебѣ тѣхъ не достоинъ, но исцѣлители сокрушенныя и исправити. А уже не можешь терпѣть, почто и великій сей святительскій санъ прія!“... „Добро было, святитель, подражати тебѣ кроткаго нашего учителя Спаса Христа, а не гордостію и мученіемъ санъ держати. Смирень убо сердцемъ Христосъ, учитель нашъ; а ты добръ сердить“. И патріархъ рече: „прости, старецъ Григорій, не могу терпѣть“. И Григорій рече: „Кто убо имать терпѣти, аще не видитъ образа отъ тебѣ? Множае ученикъ отъ дѣлъ учителя увѣритися имать; всегда бо дѣти обычай и нравы отца боголюбива притяжутъ, и, еже видятъ того творяща, послѣдуютъ ему. Золъ нравъ отчій, дѣтемъ развратитися творить; не толико словомъ врачевати имать лутши слушающихъ, якоже дѣломъ... Тебѣ, кто каково слово ни молвить и о правдѣ, и ты хочешь искоренить“. И въ послѣдующее время, уже послѣ примиренія и снятія съ Неронова соборнаго проклятія, между нимъ и Никономъ происходили такія сцены: „Доколѣ тебѣ, святитель, говорилъ Нероновъ Никону, который арестоваль было нѣкоторыхъ людей Неронова, мучить невинныя? азъ здѣ,—еже хочещи, твори: людей Божіихъ страждущихъ разрѣши“. Патріархъ велѣлъ отпустить арестованныхъ. Тогда Нероновъ говорилъ Никону: „Святитель, будетъ ли у тебя мученикомъ тѣмъ воздаяніе, ихъ же мучилъ еси туне?“ И патріархъ рекъ: „Изволи-де, старецъ, звати ихъ съ нами хлѣба ясть“. И старецъ ему рекъ: „Да гдѣ ихъ, бѣдныхъ, собрать? онѣ ради, отъ тебя ушодчи!“ Или, напри- мѣръ, въ самомъ Успенскомъ соборѣ между Никономъ и Нероновымъ происходили такія сцены: Никонъ за всенощной приказываетъ четверить аллилуію. Этимъ возмущается Нероновъ, который начинаетъ говорить патріарху: „До чего тебѣ, патріархъ, думатитъ Росією? Съ кѣмъ ты совѣтываль, и какое свидѣтельство произносишь четверишь аллилуія? У насъ, въ Велицѣй Росіи, преподобный Евфросинъ псковскій много трудився, сниская о сихъ, и у вселенскихъ патріархъ былъ, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему ти, сице и той здѣ въ Велицѣй Росіи намъ предложи. Богъ же забвенію труды его не преда, но знаменьями и чудесы прослави его, якоже и прочихъ великихъ святыхъ“. И патріархъ рече: „Воръ-де, б... с... Евфросинъ!“ И Григорій рече: „Какъ тако-

вая дерзость, и какъ хулу на святыхъ вѣщаешь?—услышитъ Богъ и смиритъ тя“ ¹⁾).

Изъ приведенныхъ рѣчей Неронова, съ какими онъ обращался къ Никону во время и послѣ примиренія, съ очевидностію слѣдуетъ, что Нероновъ въ дѣйствительности примирялся вовсе не лично съ Никономъ, а съ церковію. И ранѣе, возставая и борясь съ Никономъ, Нероновъ въ то же время никогда не возставалъ противъ церкви, никогда не думалъ отдѣляться отъ нея ради Никона, никогда не допускалъ, чтобы ради непріемлемыхъ церковныхъ дѣйствій Никона русская церковь что либо потеряла въ своемъ православіи. Поэтому онъ, не смотря на всѣ проклятія Никона, всегда считалъ себя истиннымъ и дѣйствительнымъ членомъ церкви. Примиряясь съ Никономъ, онъ только хотѣлъ, чтобы съ него снята была та соборная клятва, какую на него положилъ вселенскій антиохійскій патріархъ Макарій, которому Никонъ невѣрно представилъ Неронова, какъ врага и порицателя вселенскихъ восточныхъ патріарховъ. Когда Никонъ, воссоединяя съ церковію Неронова и снимая съ него соборную клятву, спросилъ его; „Старецъ Григорій, приобщаеши-лися святѣй, соборнѣй и апостольской церкви?“ то Нероновъ съ негодованіемъ отвѣтилъ: „Не вѣмъ, яже глаголеши; азъ убо никогда отлученъ былъ отъ святѣя соборныя и апостольскія церкви, и собору на меня никакова не бывало, и пренія моего, и раздору церковнаго, ни съ кѣмъ нѣтъ. Преколовія же о святѣй Троицѣ, или пресѣченія, или умаленія есмь чуждъ; апостольскихъ преданій нѣсмь разоритель, но Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицѣ единаго Бога, исповѣдую и славлю, единосущна и нераздѣльна и несмѣсна. А что ты на меня клятву положилъ своею дерзостію, по страсти своей, гнѣваяся, что я тебѣ о той же святой, соборной и апостольской церкви правду говорилъ: такъ ты и черниговскаго протопопа Михайла проклялъ дерзостно, и скуфью съ него снялъ... И патріархъ старцу Григорію ничтоже отвѣщавъ, точію, плача зѣло, начать разрѣшительныя молитвы говорить. Также и Григорій плака довольно, донелѣже скончаны быша молитвы. И по разрѣшеніи причастіа старецъ святѣй дорѣ отъ патріарховы руки“. Что примиреніе

¹⁾ Матер. т. 1, стр. 146—156.

Неронова было примиреніемъ только съ церковію, а не лично съ Никономъ, что и непосредственно по примиреніи, и всегда послѣ, Нероновъ попрежнему относился лично къ Никону враждебно, попрежнему желалъ и добивался его удаленія съ патріаршей кафедрѣ, на это имѣются неоспоримыя данныя. 12 января, значить непосредственно послѣ примиренія, государь и патріархъ были у всенощной у Спаса вверху, здѣсь же былъ и Григорій. Государь увидѣвъ его подошелъ къ нему и сказалъ: „не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій“. И старецъ ко царю рече: „доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такову Божию врагу (т. е. Никона)? Смutilъ всею рускою землею и твою царскую честь поправилъ, и уже твоей власти не слышать,—отъ него врага всѣмъ страхъ!“ И государь, яко устыдѣвся, скоро отъ старца отъиде, ничто же ему рече“. Спустя два года послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедрѣ, когда онъ уже не управлялъ русскою церковію и лично для Неронова былъ совершенно безопаснымъ человѣкомъ, Нероновъ все-таки хлопочетъ предъ царемъ, чтобы онъ поспѣшилъ избрать на мѣсто Никона новаго патріарха: человѣка кроткаго, смиреннаго, разсудительнаго, добродѣтельнаго по жизни, „со всѣми христіюбцы (съ Нероновымъ, конечно, и его друзьями) единомудреннаго“. И когда царь медлилъ исполнить совѣтъ Неронова и даже рѣшилъ передать дѣло о Никонѣ на новый соборъ, на которомъ присутствовали бы и восточные патріархи, Нероновъ подаетъ вторую челобитную царю (1664—1665 г.), въ которой опять настаиваетъ, чтобы государь, только соборомъ однихъ русскихъ іерарховъ, немедленно избралъ на мѣсто Никона новаго патріарха, при чемъ о самомъ Никонѣ онъ попрежнему говоритъ враждебно и рѣзко. „Сиче ли обругавшаго (т. е. Никона) святительскій престолъ, человѣка внѣ ума суца, еще щадиши, и о семъ ли еще сомнишися?“—пишетъ онъ государю. „Въ толикое неистовство пришедъ (Никонъ), что по отреченіи паки архіерейская дѣйствуетъ и рукополагаетъ и истинныхъ архіереевъ и мниховъ проклинаетъ!“ „Престану, христіюбивый царю, ревнителя благочестія истинныя свидѣтельства воспоминати, ихже изряднѣйше самъ вѣси, о суетномъ ономъ (т. е. Никонѣ), не реку чловѣкъ, но звѣръ“. „И почто ты, христіюбивый царю, сомнишися, или мниши, яко утаилося во всѣхъ странахъ блужде-

ніе Никоново, всей державѣ царствія твоего крайнее безче-
стіе приносящее, и отъ Бога праведный гнѣвъ приводящее,
и многихъ бѣдъ и скорбей все благочестивое ти царство
исполняющее! Нужно, христоролюбивый царю, собору быти о
прелестномъ его мудрованіи и о исправленіи церковномъ, а
не о немъ самомъ: онъ убо самоосужденъ и правильнѣ и
праведнѣ всея области соборомъ отставленъ, яко ругатель
царствующаго града престолу“¹⁾.

Очевидно Нероновъ, примиряясь съ Никономъ, въ дѣй-
ствительности примирялся не съ нимъ, а только съ церковію,
къ самому же Никону онъ до самой своей смерти относился
попрежнему враждебно, а ко всей его патріаршей дѣятель-
ности—отрицательно; и хотя потомъ, на соборѣ 1667 года,
онъ и принялъ новоисправленные книги, но принялъ по-
тому, что онъ были одобрены вселенскими восточными па-
тріархами, авторитетъ которыхъ ручался ему, что ими можно
пользоваться безъ вреда для благочестія и спасенія.

Въ дѣлѣ примиренія Неронова съ Никономъ особаго вни-
манія заслуживаетъ поведеніе Никона, который проявилъ
здѣсь такую необычную для него сдержанность, снисходи-
тельность, терпимость и даже мягкость къ своему задорному
и неуступчивому противнику, котораго онъ ранѣе безо-
щадно преслѣдовалъ. Очевидно были какія-то очень серьез-
ныя причины, которыя побуждали Никона дѣйствовать та-
кимъ совершенно необычнымъ для него образомъ. Намъ пред-
ставляется дѣло въ такомъ видѣ. Уже нѣсколько лѣтъ про-
шло какъ Никонъ велъ неустанную борьбу съ враждебными
ему членами прежняго кружка ревнителей благочестія, ду-
мая въ концѣ уничтожить ихъ и тѣмъ сломить всякую
оппозицію своимъ церковнымъ реформамъ. Всѣ средства,
какія только были въ рукахъ всемогущаго патріарха, онъ
употребилъ на борьбу съ своими противниками: отдален-
ныя ссылки, заточенія, лишеніе сана, соборныя осужденія
и проклятія,—все это было пушено въ ходъ, все это было
испытано и все это, оказалось, ни къ чему не повело, не
достигало своей цѣли. Разгромленный, казалось, кружокъ
ревнителей попрежнему стоялъ противъ него полный силъ
и энергіи, попрежнему не онъ, Никонъ, а ревнители поль-

¹⁾ Матер. 1, стр. 154—158, 171—178, 184—188.

зовались повсюду расположеніемъ и симпатіями. Никонъ гонить и всячески преслѣдуетъ ихъ, но они повсюду находятъ себѣ сочувствіе, друзей, послѣдователей, ихъ вездѣ охотно и съ почетомъ принимаютъ, даютъ имъ, несмотря на грозныя предписанія патріарха, полную свободу видѣться, сноситься съ друзьями въ самыхъ мѣстахъ заточенія; въ случаѣ бѣгства, имъ помогаютъ, даютъ надежный пріютъ, укрываютъ отъ поисковъ патріаршихъ сыщиковъ и даже сами идутъ въ тюрьму, лишь бы только скрыть гонимыхъ отъ патріарха и, что особенно замѣчательно, даже самъ царь принимаетъ въ этомъ участіе противъ своего „собиннаго“ друга. Очевидно кружокъ ревнителѣй обладалъ такою силою, для борьбы съ которой ссылокъ, заточеній и анаемъ было недостаточно, такъ какъ всѣ эти усиленные репрессивныя мѣры не только не умалляли и не ослабляли значенія кружка, а наоборотъ: еще болѣе усиливали его, повсюду завоевывали ему народныя симпатіи, окружали его членовъ ореоломъ мученичества, страдальцевъ за правду, за старое всѣми чтимое русское благочестіе, а Никону во всѣхъ слояхъ народонаселенія создавали враговъ. Какъ человѣкъ очень умный, Никонъ въ концѣ долженъ былъ признать, что бороться съ ревнителѣми однѣми внѣшними репрессивными мѣрами невозможно, и онъ тактично пошелъ было на уступки. На этотъ же путь толкали его и другія обстоятельства. Въ концѣ патріаршества у Никона замѣтно спадаетъ его прежній реформаторскій пылъ и увлеченіе своею реформаторскою дѣятельностію; у него вырабатывается болѣе трезвый и правильный взглядъ на свои собственныя реформы, и онъ постепенно приходитъ къ убѣжденію, что и старыя русскіе церковныя обычаи и особенности сами по себѣ совершенно безвредны и безразличны въ дѣлахъ вѣры и благочестія, и, какъ такія, допустимы въ церковной практикѣ, и потому изъ за нихъ, какъ его уже учили изъ Константинополя, рабу господню не подобаешь сваритися, а слѣдуетъ относиться къ нимъ терпимо и снисходительно. Это Никонъ открыто и призналъ, заявивъ Неронову, что старыя и новыя служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ. Самое положеніе Никона во время примиренія его съ Нероновымъ во многомъ уже было не то, что ранѣе. Онъ не имѣлъ болѣе поддержки въ лицѣ царскаго духов-

ника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который умеръ, и недаромъ, конечно, Никонъ ѣздилъ на могилу Стефана и тамъ много плакалъ. Въ это время въ Москвѣ уже не было и антиохійскаго патріарха Макарія, который подкрѣплялъ Никона своими совѣтами, выдвигалъ, гдѣ нужно и въ интересахъ Никона, свой авторитетъ вселенскаго патріарха, такъ что Никонъ теперь почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ предъ своими многочисленными и неуступчивыми врагами, силы которыхъ все болѣе возрастали и крѣпли, тогда какъ къ нему всѣ относились только враждебно. Своимъ гордымъ, надменнымъ обращеніемъ съ сановитыми боярами, Никонъ вооружилъ противъ себя бояръ; своимъ патріаршимъ деспотизмомъ—всѣхъ архіереевъ; своими строгостями и суровыми, доходившими до жестокости, расправами—все духовенство; своими грекофильскими реформами—всѣхъ сторонниковъ родной старины; борьбою противъ иконъ фракскаго письма и противъ предметовъ западной культуры, начинавшихъ тогда появляться въ обстановкѣ жизни нѣкоторыхъ знатныхъ и богатыхъ лицъ,—всѣхъ тогдашнихъ западниковъ;—словомъ онъ вооружилъ противъ себя рѣшительно всѣхъ и нигдѣ не имѣлъ для себя прочной опоры. Даже греки, по совѣтамъ и указаніямъ которыхъ онъ производилъ свои церковныя реформы, скоро измѣнили ему и перешли на сторону его враговъ. Оставался одинъ царь, который создалъ Никона патріарха, церковнаго реформатора и великаго государя, и безъ котораго самъ по себѣ Никонъ ничего бы не значилъ и не могъ бы сдѣлать ни одного реформаторскаго шага,—расположеніе царя значило для Никона все и онъ могъ бороться со всѣми и противъ всѣхъ, лишь бы только царь неизмѣнно оказывалъ ему, какъ и прежде, свое полное благоволеніе и довѣріе. Но и отношеніе царя къ Никону за послѣднее время значительно измѣнилось. Это какъ нельзя болѣе ясно сказалось въ дѣлѣ Неронова. Послѣдній, съ согласія и одобренія царя, но тайно отъ Никона, былъ постриженъ въ монахи, и въ то время какъ Никонъ всюду разыскивалъ Неронова, тотъ спокойно цѣлыя сорокъ дней проживалъ у царскаго духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, о чемъ хорошо зналъ царь, но ничего объ этомъ не сказалъ Никону и не выдалъ ему Неронова. Но этого мало. Царь послалъ въ Холмогоры указъ освободить изъ тюрьмы

двухъ работниковъ Неронова, которые были пойманы агентами Никона и посажены въ тюрьму. Изъ этого случая Никонъ увидалъ, что царь относится къ нему, его „собинному другу“, уже далеко не такъ, какъ прежде, что онъ, хотя и не явно, покровительствуетъ его врагу Неронову, и не одобряетъ дальнѣйшихъ его преслѣдованій Никономъ. При такихъ-то обстоятельствахъ Никонъ и пошелъ на примиреніе съ Нероновымъ, несмотря на всю заносчивость и даже грубость послѣдняго: онъ хотѣлъ этимъ доставить удовольствіе царю, который всегда былъ за такое примиреніе. Но улучшить этимъ свои отношенія къ царю Никону не удалось.

Н. Кантеревъ.
